

*Посвящается Роберту Конквесту,
зрелому антифашисту,
зрелому антикоммунисту, поэту и наставнику,
а также создателю «объединенного фронта
против вранья»,
с его собственного согласия.*

«Но для гения, даже для небольшого таланта, важно не только то, что его интеллект не так остер, а манера держать себя в обществе не так изящна, как у других, сколько умение переключать и перенаправлять их. Чтобы согреть жидкость при помощи электрической лампочки, нужна вовсе не самая сильная лампа, — нужно, чтобы ток лампы перестал освещать, чтобы он изменился и вместо света давал тепло. Чтобы двигаться по воздуху, необходим вовсе не наиболее мощный мотор, а такой, который, прекратив бег по земле, избрал вертикальное направление и превратил свою горизонтальную скорость в восходящую силу. Равным образом гениальные произведения создают не те, что постоянно общаются с самыми утонченными натурами, не самые блестящие собеседники, люди не самой широкой культуры, но те, что обладают способностью, вдруг перестав жить для самих себя, превращать свою индивидуальность в подобие зеркала, с тем, чтобы в нем отражалась их жизнь, быть может, ничем не примечательная с точки зрения светской и даже, в известном смысле, с точки зрения интеллектуальной, ибо гениальность заключается в способности отражать, а не в свойствах отражаемого зрелища».

*Марсель Пруст,
«Под сенью девушек в цвету»¹.*

¹ Пер. Н. Любимова.

Слова благодарности

Прежде всего хочу поблагодарить преподающего Питера Коллингвуда, моего старого учителя английского, который первый задал мне разбор «Скотного двора» как текста, а затем позволил показать ему мою работу, несколько отклоняющуюся от темы сравнения со «Слепящей тьмой»: самое первое мое приличное эссе из всех написанных.

Затем хочу поблагодарить Клода Коберна, одного из самых благородных и очаровательных из встреченных мною людей, который в мои двадцать лет изложил мне атниоруэлловскую точку зрения на Испанскую войну и другие вопросы и очень терпеливо обучал меня искусству диалектического спора, возможно, сам того не подозревая. Эти страницы — взвешенное злоупотребление его неизменным радушием.

Затем мои благодарности Петеру Седжвику, чье имя остается талисманом для благородных остатков левых либертарианцев, помогшему мне нарастить хилые мускулы, с помощью которых я сражался со школой Кокберна. Также он помог мне научиться распознавать следы «оруэллизма» — как нить Ариадны в лабиринте современной литературы.

Стивен Шварц и Рональд Радош показали мне свою незавершенную работу об Оруэлле, материалы для которой получали из советских архивов, за что я им безгра-

нично благодарен, а также благодарен я их коллегам и соавторам Виктору Альба и Мэри Хабек. *Magna est veritas, et prevaelabit* («Велика истина, и она восторжествует»).

И наконец, достижение профессора Питера Дэвисона, воздвигшего величественное здание, вместившее в себя всю жизнь и весь труд Оруэлла, вместе с подвергшимися цензуре вещами, представляет собой нечто большее, чем геркулесова работа над текстом или наблюдения, сделанные биографом. Этот проект сочетает в себе объективность и любовь, и поэтому он стал блестящим памятником своему герою. Моя маленькая книжка — одна из первых, написанная в тени этой полностью продуманной работы, с тезисами которой должен будет отныне сверяться любой ее последователь.

*Кристофер Хитченс,
Вашингтон, округ Колумбия, 4 февраля 2002 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность

Идеи, нравы смерзлись в ледники:
Он стал их плавить жаром убежденья –
И, показав реальности значенья,
Безжалостной зимы разжал тиски.

Кто чтил его за помощь? Тьмы и тьмы,
Ощерясь в ненависти, сбились кучей –
Покой свой уберечь средь стужи жгучей
Заслоном мифа от свирепств зимы.

Слова нас губят. Утвердил он вновь
Действительность как истины мерило –
И пониманье нам глаза раскрыло:
Страшной войны — страдания и кровь.

Стремясь к высокой цели, он владел
Присущей лишь немногим прямою –
Как тем друзьям, что до конца с тобою
(Полдюжины писателей удел).

Морали гений, он подчас впадал
В наивность, глупость ли в конечном счёте
(Играл же Дарвин злакам на фаготе!):
Искатель истины — но нет, не идеал.

Тем вопреки, кто опыт, факт обрек
На жертву гимнам, догме истеричной –
Сумел он, чуждый струнке поэтической,
Всеми искусству преподать урок¹.

*Роберт Конквест,
«Джордж Оруэлл» (1969)*

¹ Пер. С. Сухарева.

Эти строки, сложенные в период вечной мерзлоты, отсылают нас к временам почти космического холода — «полночь столетия» видится сквозь призму холодной войны, в перспективе ядерной зимы, слишком реальной, чтобы от нее отмахнуться. Но первая же искра человечности немедленно разгоняет пронизывающую стужу начальной строки, а далее заря дружеской поддержки лишь разгорается, к завершающим строкам уже пламеня горячей волной.

Ответ на вопрос, относятся ли честность и принципиальность к холодным добродетелям рассудка или же к горячим качествам души¹, остается неясным, и туманы Англии, возможно, не лучшее место для его прояснения. «Ледяная совесть поколения», — такой подзаголовок выбрал Джеффри Мейерс для биографии Оруэлла 2000 года (фраза эта позаимствована у нейтрального пера В. С. Притчетта). Сам Оруэлл, не до конца избавившийся от веры отцов в благотворное воздействие закаливающих процедур, в своем творчестве остается во власти деморализующего влияния температуры точки замерзания. Однако в душном, знойном климате Бирмы и Каталонии этому суровому, замкнутому в себе человеку суждено было пережить два момента обжигающего откровения, а его произведениям — в обход цензуре и запретам воспламенить искру надежды во вселенской тьме ГУЛАГа, согревая собой продрогшие души поляков и украинцев и помогая растопить вечную мерзлоту ста-

¹ Аллюзия на работу Ницше «Утренняя заря, или Мысль о моральных предрассудках» (о горячих — страстных — и холодных добродетелях). — *Прим. ред.*

линизма. И если бы авторство афоризма про «горячее сердце и холодную голову» не принадлежало Ленину¹, он прекрасно подошел бы Оруэллу, с душевным пылом и великодушием которого могли сравниться лишь его же сдержанность и бесстрастность.

Виктор Притчетт, позднее — сэр, был одним из многих, кто встраивал фигуру Оруэлла в сонм «святых», пусть и как мирянина. И вот раскованный, склонный к веселому богохульству писатель, сказавший однажды (касательно Махатмы Ганди), что святые всегда должны считаться виновными, пока не будет доказано обратное, опять предстает перед нами в виде мощей или призрака, символа самоотречения. Говоря о Кромвеле, другом знаменитом человеке, считавшемся пуританином, Томас Карлейль писал, что столкнулся с необходимостью извлечь своего героя из-под груды мертвых фраз и другого мусора, и лишь потом у него получилось утвердить его в качестве фигуры, достойной биографии. Я не пишу биографии, однако иногда также чувствую необходимость освободить имя Джорджа Оруэлла от груза медовых словес и душещипательных речей; образ писателя, ставший объектом болезненного поклонения и сентиментальных восхвалений, подходит лишь для зомбирования несчастных школьников своей правильностью и невыносимой добропорядочностью. Воздаяние подобного рода часто оформлено в духе Ларошфуко, что позволяет задуматься о подкупе добродетели пороком², а также о шутке, кото-

¹ Автором этого афоризма считается Ф. Э. Дзержинский. — *Прим. ред.*

² «Лицемерие — это та дань, которую порок вынужден платить добродетели», Ларошфуко. — *Прим. пер.*

рую сыграла над вором его собственная шапка. (В конце концов, именно Притчетт походя отмахнулся от Оруэлла и его опасно правдивых репортажей из Барселоны, написав в 1938 году: «Существует множество веских аргументов в пользу того, чтобы держать креативных писателей подальше от политики, и мистер Джордж Оруэлл — один из таких писателей».)

Тот период, что прошел между написанием «Фунтов лиха в Париже и Лондоне» (1933) и «1984» (1949), вообще был богат на «креативных писателей» с активной политической позицией. Если мы решим ограничиться рамками исключительно англоязычного мира, то только лишь первый писательский ряд составят такие имена, как Джордж Бернارد Шоу, Г. Дж. Уэллс, Дж. Б. Пристли и Эрнест Хемингуэй. И, разумеется, были поэты — группа, объединенная нескладным названием «Макспондэй», что расшифровывалось как Луис Макнис, Стивен Спендер, У. Х. Оден и Сесил Дэй-Льюис. (Акронимическое название не включало имени их учителя, Эдварда Апворда, о котором Оруэлл также писал.) Однако можно смело говорить о том, что политические заявления, сделанные этими людьми, сегодня не имели бы успеха. Некоторые из их высказываний были или вздорны, или излишне мрачны, некоторые — просто глупы, или легковесны, или несерьезны. И ярким контрастом на их фоне выделяется Оруэлл, каждую строчку которого, каждую статью и эссе можно смело переиздавать спустя годы, не испытывая при этом неловкости за автора. (Есть одно возможное исключение из этого утверждения, его я намереваюсь обсудить отдельно.)

Говорить о том, что упомянутые выше джентльмены наравне со многими другими, занимавшимися чистой журналистикой, оказались слишком падки на соблазны и искушения власти, а Оруэлл перед ними устоял, было бы заведомым упрощением. Однако можно со всей определенностью утверждать, что им не приходилось особенно волноваться, попадут ли их книги в печать, а вот Оруэлл никогда не мог быть столь же уверен в этом. А потому его писательская жизнь была постоянной борьбой, несущей в себе два важных смысла: первое — это отстаивание принципов, которые он исповедовал, второе — право свидетельствовать об этой борьбе. Он никогда не смягчил бы своего мнения в надежде увидеть свою подпись в издании, популярном среди платежеспособной публики; только одно это уже объясняет сегодня его актуальность и остроту.

С другой стороны, образ работяги из мансарды, считающего свои неудачи знаком собственной исключительности и принципиальности, узнаваем до навязчивости, и тип этот скрупулезно и карикатурно выведен Оруэллом в романе «Да здравствует фикус!». Важность Оруэлла для прошедшего века и как следствие — его статус человека, оставившего след в истории, а также в литературе, определяется исключительной важностью проблем, за которые он «брался», над которыми работал и которые никогда не бросал. Как результат мы, не задумываясь, прибегаем к термину «оружелловский» в одном из двух случаев. Если мы подразумеваем разрушительную тиранию и царящий страх и привычный конформизм, мы называем текущее положение вещей «оружелловским». Если мы описываем

литературное произведение как «оруэлловское», мы признаем наличие в нем неиссякаемого человеческого сопротивления подобному террору. Неплохо для одной короткой жизни.

Три великие темы двадцатого века: империализм, фашизм и сталинизм. Было бы банальностью утверждать, что три эти «вопроса» сами по себе вызывают исторический интерес, они передают потомству сам дух и тон нашей эпохи. Интеллектуальное сообщество большей частью было роковым образом скомпрометировано компромиссным отношением к той или иной из этих бесчеловечных структур, сконструированных человеком, а некоторые его представители — и более чем к одной. (Сидней Вебб, в соавторстве с женой Беатрисой, написал пресловутую книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?», которая во втором своем издании утратила знак вопроса в заглавии как раз вовремя для того, чтобы это совпало с началом большого террора, стал лордом Пассфилдом в лейбористском правительстве Рамсея Макдональда 1929 года и в этом качестве действовал как исключительно жесткий и напыщенный министр по делам колоний. Джордж Бернارد Шоу умудрился проявить глупейшую снисходительность и к Сталину, и к Муссолини.)

Решение Оруэлла отречься от бездумного империализма, который был источником доходов для его семьи (его отец был одним из мелких управляющих в деградирующей системе торговли опиумом между Индией и Китаем), может быть представлено как проявление эдипова комплекса, особенно теми критиками, которые предпочитают подобные линии расследования. Однако